

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр

ПАНИКА
В ЛОЖЕ «С»

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Доктор Гидеон Фелл

Джон Карр

Паника в ложе «С»

«Азбука»

1966

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Карр Д. Д.

Паника в ложе «С» / Д. Д. Карр — «Азбука», 1966 — (Доктор Гидеон Фелл)

ISBN 978-5-389-34604-8

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». Роман «Паника в ложе «С»» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Тридцать с лишним лет назад Марджори Вейн произвела настоящий фурор на лондонских подмостках, однако ее карьера была прервана ледящим душу происшествием: прямо во время спектакля убит ее муж, блиставший в роли Ромео. Спустя годы Марджори с триумфом возвращается на родину, чтобы присутствовать на новой постановке роковой шекспировской трагедии, запершись в роскошной ложе «С»...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34604-8

© Карр Д. Д., 1966

© Азбука, 1966

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джон Диксон Карр

Паника в ложе «С»

John Dickson Carr

PANIC IN BOX C

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1966

Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Е. А. Адаменко, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Глава первая

Путешествие

Ночь опускалась под аккомпанемент шума и криков. На судно Королевской почтовой службы¹ «Иллирия», державшее курс на запад, в Нью-Йорк, обрушился ураганный ветер Атлантики – дождь вперемешку со снегом хлестал по открытым палубам, бился в стекла закрытых помещений. Впрочем, погода могла быть и еще хуже, главное – стабилизаторы судна исправно выполняли свою задачу. Этот лайнер был братом-близнецом «Сильвании»² – один в один, разве что портом приписки «Иллирии» был Саутгемптон, а не Ливерпуль, – корабль вздымался на длинной волне, но качка на нем едва ощущалась.

В курительной комнате первого класса, в носовой части прогулочной палубы, скрипели обшитые коричневыми панелями переборки, на которых красовались щиты с эмблемами различных полков британской армии. Стоял дремотный час после ужина. В салоне, который от курительной комнаты отделяло фойе с главной лестницей лайнера, начиналась игра в бинго, которой обычно руководил помощник стюарда; за этим обычно следовали маловдохновляющие танцы под музыку Джимми Как-Его-Там.

В курительной комнате, с ее глубокими креслами из коричневой кожи и маленькими столиками, покрытыми красным, тоже было не особенно весело. Нат, высохший маленький бармен с седыми волосами и зловеще-черными бровями, небрежно опирался на барную стойку. Стюард Джорджи стоял рядом с ним в полудреме. В этот час выпивали только двое. Филип Нокс медленно прохаживался со стаканом в руке между своим столиком и левой дверью в фойе, стараясь двигаться в такт движению корабля: он размышлял о миссии, которая подвигла его отправиться в Америку. Хорошо сложенный, добродушный, без особых внешних примет и изъянов, он был довольно известным историком. Филипу Ноксу исполнилось пятьдесят четыре, но он сохранил волосы, талию, чувство юмора и интерес к жизни – сожаления об ушедшей молодости не мучили его. О выполнении задач в Америке тоже особенно беспокоиться не приходилось: он обладал непринужденными манерами, хорошо поставленным голосом и ораторскими навыками.

– Эх, поехали! – сказал он себе, решив оставить все, как есть.

В самом большом кресле восседал, сопя и посмеиваясь всеми своими двадцатью с лишним стоунами³, старый друг Нокса доктор Гидеон Фелл.

На его красном лице блестело криво-косо посаженное на нос пенсне на черной ленте. Бандитские усы топорщились густой щетиной. Он захихикал, и несколько его подбородков пришли в движение, зашевелились и складки жилета. Сидя в едва вмещавшем его кресле, неопрятно одетый, с прислоненной рядом тростью, с сигарой в одной руке и высоким стаканом в другой, он выглядел как Король Рождества⁴ или старый король Коль⁵.

– Поехали, – сказал он. – Хе-хе-хе! Это приходило и мне в голову.

– Правда? – спросил Нокс и с некоторым удивлением пригляделся к стакану своего приятеля. – Простите, доктор Фелл, но что это вы там пьете? Вы отказались от английского пива?

Доктор Фелл тяжело вздохнул:

¹ Как судно Королевской почтовой службы (сокращенно – RMS) обозначают те корабли, которые перевозят по контракту почтовые отправления. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² RMS «Сильвания» – океанское судно, построенное в 1957 г. для трансатлантических переходов.

³ Стоун (стон) – британская единица измерения массы (один стоун – 6,35 кг). 20 стоунов – примерно 127 кг.

⁴ Король Рождества – персонаж английского фольклора, позже стал ассоциироваться с Санта-Клаусом.

⁵ Старый король Коль – персонаж старинного английского стихотворения и песенки (впервые зафиксированы в XVIII в.).

– Напротив, дорогой друг. Скорее, оно отказалось от меня, от всех нас. Вы знаете, американское пиво, – он поднял свой бокал, – вполне достойно рекомендации. В эти дни вырождения, когда английский эль варят таким слабым, что алкоголя в нем едва ли больше, чем в молочном коктейле, я предпочту крепкий лагер вроде «Старого Гейдельберга» или «Гордости Милуоки»! «Trink heil!»⁶ – говорят в Саксонии. Nunc bibendum est!⁷ Ваше здоровье!

Нокс, который сам пил «Гордость Милуоки», сделал еще глоток и покачал стакан в руке.

– Итак, в общих чертах мы установили, – пропыхтел доктор Фелл, как человек, излагающий условия задачи, – что нам обоим поручена одна и та же работа: зимний лекционный тур для бюро Бойлстона на Пятой авеню, шестьсот шестьдесят шесть. Базируется это бюро, конечно, в Нью-Йорке, но его деятельность охватывает значительную часть Соединенных Штатов. Насколько я понимаю, ваше турне продлится десять недель?

– Да, около того. Я начинаю в Цинциннати восемнадцатого января и заканчиваю в Ланкастере, штат Пенсильвания, в последний день марта.

Доктор Фелл кивнул:

– Расписание мало чем отличается от моего. Я приступаю к этой гнусной работе в Олбани и заканчиваю ее в месте под названием... Впрочем, не важно. Скажите-ка, сэр, вы первый раз подписались на американские лекции?

– Да, я приглашен впервые. Но я не против путешествий, и мне нравится общение с людьми. Жду с нетерпением.

– В таком случае, – прогудел доктор Фелл, – вполне возможно, вы и получите удовольствие. И все же! Позвольте старому участнику компании, который обычно поддается искушению поработать на этой площадке раз в два года, предупредить вас кое о чем, что непременно произойдет.

– И что же это?

– Несмотря на тщательно разработанный лекционным бюро маршрут, вас будут запикивать на борт самолета дьявольски ранним утром. Стоит иметь в виду, что ни один коммерческий самолет не взлетает вовремя, даже при самой ясной погоде. Если же погода дурная и приходится полагаться на поезда или автобусы, то они обнаруживают столь же дурные манеры. Не берите слишком многое в дорогу, советую от всей души! Иначе вы окажетесь с тяжелым чемоданом на автобусной станции, откуда на такси невозможно добраться до вашего отеля. В феврале, когда они, скорее всего, отправят вас на Ближний Запад, жизнь каждого города, в котором вам посчастливится выступать, будет парализована снежными бурями. Поскольку все самолеты на земле, а каждый битком набитый поезд отправляется из Чикаго с опозданием в шесть или десять часов, вы снова окажетесь в Нью-Йорке – если, конечно, вообще доберетесь до него – ближе к четырем часам утра. О горе мне! Но не буду больше терзать вас, – похоже, вы не верите ни единому моему слову...

– Честно говоря, я стараюсь не...

– Просто я, – перебил его доктор Фелл, – в некотором роде предостерегаю вас. Вы все же из другой страны – вы уверены, что они поймут вашу манеру говорить?

Филип Нокс в изумлении воззрился на собеседника:

– Бога ради, мою манеру говорить? Если вы запомнили, доктор Фелл, то напомню: я американец. Я родился и вырос в Уайт-Плейнсе, Нью-Йорк.

У доктора Фелла, сраженного внезапным прозрением, начал слегка косить глаз, и он стал казаться не вполне дееспособным.

⁶ Пейте на здоровье (нем.).

⁷ Нам пить пора! (лат.) – цитата из оды Горация (I, 37).

– Точно! – прогудел он, раскуривая сигару. – Архонты афинские⁸, точно-точно! И я ведь знал это! Но все же – как давно вы обосновались в Англии?

– Больше тридцати лет. Тридцать два года, если быть точным.

– Вот как, конечно же! Это было мне известно! У вас восточно-американский акцент, как и всегда. Но с течением времени, мой дорогой друг, мы так привыкли к вам, что слышим то, что ожидаем услышать, и считаем, что вы говорите в точности как мы. Кстати, на какую тему вы читаете лекции?

– «Тайны прошлого». Некоторые классические загадки истории, если это не звучит слишком претенциозно. – Нокс ухмыльнулся. – А вы?

– Убийцы, которых я встречал, – ответил доктор Фелл.

Курительная комната была защищена от сквозняков, но в тот миг почему-то показалось, что стало зябко. Кажется, и доктор Фелл ощутил холодок: он стал чересчур серьезным или даже слегка беспокойным, когда откинулся в своем большом кресле и поудобнее устроился в нем.

Палуба под ними вздымалась на долгой волне, все выше и выше, а затем круто нырнула вниз, скользя, как по желобу. Море словно колотило кулаком по обшивке «Иллирии». Нокс слегка покачнулся, вцепился в спинку кресла, потом выправился, когда положение корабля стало стабильным, и осознал, что пора вновь наполнить бокалы – свой и доктора Фелла. Осуществив это намерение с помощью все еще маячившего на заднем плане стюарда, он уселся за маленький столик напротив своего приятеля.

– Доктор Фелл, – спросил он, – что с вами?

– Со мной?

– Что-то у вас на уме, правда? Вы сидите, выдувая дым и искры, как дух Вулкана, и расстроены сильнее, чем можно объяснить ненастьем. Что же вас беспокоит?

– Нет, на самом деле ничего особенного! Или, по крайней мере, ничего, что я могу, кхм, уловить или сформулировать. И все же – Уайт-Плейнс, говорите! Это же административный центр Уэстчестера, который американцы несколько вульгарно называют округом? Да. Я бывал в Уайт-Плейнсе и, возможно, окажусь там вновь. Мистер Герман Гулик, окружной прокурор Уэстчестера, любезно пригласил меня погостить у него месяцок после завершения лекционного турне и в ожидании открытия Всемирной выставки в конце апреля. Вы знакомы с мистером Германом Гуликом из Уайт...

– ...Плейнса? Господи, нет! Я не был там уже тысячу лет. Весьма маловероятно, что я знаком с тамошним окружным прокурором.

– А где-то поблизости ведь есть местечко под названием Ричбелл?

– Есть такое. Примерно в дюжине миль от Уайт-Плейнса.

– Простите меня, я не праздно любопытствую. Что этот Ричбелл представляет из себя?

– Городок или деревня, названная в честь Джона Ричбелла, в тысяча шестьсот шестьдесят первом году основавшего неподалеку деревню Мамаронек, одна из остановок по Нью-Хейвенской пригородной пассажирской железной дороге, по направлению от Центрального вокзала через Уэстчестер в Стэмфорд, Коннектикут. Остановка «Ричбелл» – после Мамаронек и перед Харрисоном. – Нокс снова ухмыльнулся, на этот раз своим воспоминаниям. – Вообще-то, из тьмы и тумана прошлого выплывают кой-какие воспоминания: я встречался с одной девушкой, которая жила там. Мне было в ту пору лет всего девятнадцать-двадцать, я тайно заимствовал машину отца, и мы катались по округе. Это красивый маленький городок, или, по крайней мере, он был таким раньше.

Доктор Фелл сосредоточенно замер, кося глазом:

– Вот как! Ну, расскажете о предмете?

⁸ *Архонт* – высшая должность в древнегреческих городах-полисах. В Афинах существовала почти тысячу лет (1069–83 до н. э.).

– Каком еще предмете?

– Женщины! – прорычал доктор Фелл, жестом округлив это слово, что как будто снимало непоследовательность его интереса. – Черт побери! – заявил он, замахав руками с шумом, подобным ветру в пещере. – Вы живете в Англии тридцать два года, из которых мы знакомы по меньшей мере шестнадцать лет, и мы ни разу не говорили о личном. К слову, вы женаты?

– Нет. Да! Как же это сказать?!

– Что?

– Я был женат. Все это было, и прошло, и быльем поросло. – Нокс, казалось, немного занервничал. – Мы расстались почти двадцать лет назад, через несколько месяцев после окончания войны, с тех пор не виделись и не общались. Но никто из нас так и не подал на развод, так что, полагаю, мы все еще женаты.

– Ваша жена была американкой? Возможно, та самая детская любовь из Ричбелла?

– Нет, вовсе нет. Ту девушку из Ричбелла звали Констанс, хотя ее фамилии я, хоть убей, не припомню. Джуди, моя жена, – англичанка из англичанок. Потом, когда мы решили разойтись, она уехала в Америку...

– Леди, англичанка, просто так взяла и уехала в Америку, когда вы расстались?

Нокс огрызнулся:

– Да, и не так уж это было сложно. У Джуди имелись собственные деньги. Она была слишком горда, чтобы взять у меня хоть пенни. И в любом случае ее любимый дядюшка перебрался в Сан-Франциско и сделал там состояние. Как раз когда наши дороги разошлись, пришло известие, что дядюшка Как-Его-Там скончался и все отписал ей. Так что она отправилась в Нью-Йорк, а затем в Сан-Франциско, чтобы получить наследство. Это был октябрь сорок пятого, а сейчас январь шестьдесят пятого. Конец истории. И зовут ее, кстати, не Джудит, Джуди – это не сокращение имени. Я звал ее Джуди, потому что она звала меня Панчем⁹.

– Не по причине избыточно буйного темперамента, я надеюсь?

– Нет, по крайней мере сначала. Джуди младше меня на десять лет. Мы заключили брак в Лондоне в тридцать восьмом году. Некоторое время это можно было назвать великой страстью. Но потом она обвинила кое в чем меня, я ответил ей тем же, и все переросло в яростную ссору, грандиозный скандал. Конец.

– Очень хочу верить, – прогремел доктор Фелл расстроенно, – что я не разбередил старые раны? Вы все еще переживаете?..

Что ж, переживает ли он?

Сидя напротив доктора, прикуривая сигарету и жонглируя стаканом, который он осушил практически в один глоток, Филип Нокс попытался честно оценить прошлое. Кто был прав, кто виноват? Он не знал, не мог понять, да и какое это имело значение? Как ни удивительно (и даже абсурдно), образ Джуди – какой она была тогда, какой могла стать теперь – все еще волновал его кровь. Но уже – за очень редкими исключениями, быть может, когда он выпивал лишнего, – не с той силой, как в первые месяцы разлуки. Есть воспоминания, честно говоря, которые из мозга и души не вытравишь. Но теперь, двадцать лет спустя? Нет, вряд ли! Все сожжено, похоронено, забыто.

– Нет, я не переживаю, – ответил Нокс. – Это древняя история – пусть такой и остается. В моей жизни были и другие женщины; вне всякого сомнения, и у нее были другие мужчины. К тому же я уже немолод...

– Следует признать, стариком вы не выглядите...

⁹ *Панч (Пульчинелла) и Джуди* – персонажи традиционного уличного театра кукол, который появился в Италии XVII в., а затем, в конце того же века, завоевал популярность и в Великобритании. В представлениях эта семейная пара постоянно конфликтует, не стесняясь в выражениях и занимаясь рукоприкладством.

– Я и не чувствую себя стариком, и образ жизни у меня не стариковский. Но спросите у тех, кто помоложе, – и вам расскажут.

– К слову, о молодом поколении... Простите меня, в вашем браке появились дети?

– Нет, не появились: ни Джуди, ни я не хотели их. Послушайте, доктор Фелл, – Нокс вдруг рассердился, – почему мы вообще об этом заговорили? Джуди уехала в Сан-Франциско, как я уже говорил, и однажды кто-то упоминал при мне, что она по-прежнему там. Очень и очень маловероятно, что мы когда-то увидимся вновь. Да если бы мы и встретились, то только как чужие люди, которыми, вероятно, всегда и были. Конец истории, я же сказал! И вообще, какого черта мы начали обсуждать женщин?

– Потому что вы пожелали узнать, что меня беспокоит.

– И что же?

– Что ж! – воскликнул доктор Фелл, широко и неопределенно взмахнув рукой. – Мы уже три дня как отплыли из Саутгемптона, и еще три или четыре дня пройдет до того момента, как мы ступим на землю. Становлюсь ли я экстрасенсом на старости лет? Я, разрази меня гром? И все же – архонты афинские! – чем еще объяснить обстановку на этом корабле, который временами напоминает перегруженный реквизитом дом с привидениями, если не атмосферой вокруг одной женщины, нашей попутчицы?

Нокс выпрямился в своем кресле:

– Вы, случайно, не леди Северн имеете в виду?

– Да, я имею в виду именно ее. Но давайте определимся в терминах.

– В каком смысле?

– Она леди Северн, – произнес доктор Фелл с нажимом и скрупулезной аккуратностью. – Она леди Северн из Сомерсета и Канн на Лазурном Берегу. Лорд Северн, кажется, умер несколько лет назад. Далее. Она числится в списке пассажиров как мисс Марджори Вейн – это ее настоящее имя, под которым она родилась и которое использовала на сцене. Марджори Вейн родилась пятьдесят четыре года назад в Монтклере, Нью-Джерси, в семье преуспевающего врача. Подруга ее детских лет и неизменная компаньонка того же возраста или, возможно, чуть старше – урожденная Элизабет Харкнесс.

И теперь, мой дорогой Нокс, – продолжил доктор Фелл, – я хотел бы вновь углубиться в ваши собственные воспоминания юных дней. Потерпите и не сердитесь на меня! Мы не станем больше говорить о вашей жене. Но нам очень даже следует поговорить о городке под названием Ричбелл. Подростком вы прекрасно его знали, но скажет ли вам что-нибудь имя Адам Кейли?

В памяти Нокса всколыхнулись и стали всплывать смутные образы.

– Адам Кейли! – оживился он. – Адам Кейли и те предполагаемые «Актеры Уэстчестера», постоянная труппа, которая должна была стать театром «Маска» в Ричбелле! В двадцать восьмом, думаю, году. Они собирались открыться весной. Я в то время учился в колледже и не в курсе всей истории, но что-то слышал.

– Кажется, до вас дошли верные сведения, – кивнул доктор Фелл. – Мы все еще разбираемся с биографическими вопросами, так что позвольте мне упомянуть некоторые имена и даты.

С Адамом Кейли, давно уже покойным, я был немного знаком в дни его юности. Родился он в Дублине, в состоятельной семье, кажется, в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году. Он никогда не был связан с актерами Театра Аббатства¹⁰ или другим ирландским движением – он вызывающе и картинно оставался сам по себе. Но первой большой удачей на актерском поприще он обязан дублинскому Гайети-театру¹¹, который в начале нашего столетия выглядел

¹⁰ Театр Аббатства (Национальный театр Ирландии) в Дублине был открыт в 1904 г. и существует по сей день. Является одним из ведущих культурных учреждений страны, тесно связан с ирландским национальным движением.

¹¹ Гайети-театр в Дублине, открытый в 1871 г., существует по сей день. Он специализировался преимущественно на музыкальных представлениях.

примерно так же, как сегодня. Потом Кейли перебрался в Лондон и еще перед началом Первой мировой добился триумфального успеха, блистал он и во время войны. Адам Кейли специализировался на Шекспире или на ярких романтических ролях. Он был превосходным фехтовальщиком даже в те времена, когда считалось, что этим искусством должен владеть каждый актер. Это был лучший Сирано де Бержерак, которого я когда-либо видел.

В конце Первой мировой он в поисках новой аудитории отправился в Нью-Йорк и покори Бродвей. К середине двадцатых он хорошо заработал и инвестировал свои деньги умно, избегая спекуляций на безумном фондовом рынке. Он купил дом неподалеку от Ричбелла и коллекционировал старинное оружие, это было его давнее увлечение. Хотя он был уже совсем немолод, он и не помышлял о том, чтобы уйти на покой. Он мог выступать на Бродвее так долго, как позволил бы его талант. Но его великая мечта... Думаю, вы знаете, в чем она состояла?

– О да! – Нокс ответил с горячностью. – Понимаете, в те дни организация похода в театр в Нью-Йорке была подобна небольшой военной кампании: приобрести билет, добраться до города, поужинать, вернуться домой – все это доставляло слишком много хлопот, поэтому театр посещали нечасто. Многие полагали, что хорошая репертуарная труппа в округе Уэстчестер могла бы круглогодично, а не только в летний сезон собирать полные залы.

Сигара доктора Фелла потухла, но он продолжал размахивать ею.

– Вот такой и была великая мечта Адама Кейли. Он желал собрать постоянную труппу, назвать ее «Актеры Уэстчестера», он мог управлять ею и выходить на сцену в главных ролях. На Ричбелл-авеню, главной улице городка, уже существовал какой-то старый театр.

– «Бижу»!¹² – воскликнул Нокс. – Точно! Теперь я припоминаю. Но...

– Но это был лишь ветхий «оперный дом», как и повсюду в провинциальных городках, где время от времени играли бродячие труппы, не блистающие ни громкими именами, ни высоким мастерством. К тому же театр пользовался дурной славой. За несколько лет до того, в ходе какой-то напыщенной мелодрамы, одна неуравновешенная артистка окончательно спятила и зарезала другую прямо на сцене. Адам Кейли не хотел иметь дела со старым «Бижу». Вместо этого...

Эту часть истории Ноксу не нужно было рассказывать. В 1927-м «Бижу» полностью снесли. На фундаменте старого здания к концу года был воздвигнут новый бетонный храм искусства, который Адам Кейли назвал «Маска». Здание было оснащено самым современным сценическим и осветительным оборудованием. Но все же и дыхание прошлого ощущалось в его стенах, в только и доступном для глаз большей части публики зрительном зале. Своей позолотой и красным бархатом, бельэтажем и четырьмя богато украшенными ложами он, говорят, очень напоминал Гайети-театр в Дублине. К 1928 году все было готово.

– Между тем, – рокотал доктор Фелл, – наш актер-управляющий времени зря не терял. Адам Кейли был добросовестным мастером. Он всегда окружал себя хорошими артистами, рассчитывая на соперничество, а не превращая свой театр в шоу одного актера. Для своего нового театра он собрал первоклассную труппу, и теперь следовало определиться с ведущей актрисой. И он, вопреки всем советам, нашел на эту позицию девушку, которой еще не исполнилось и восемнадцати, новенькую в профессии, – она сыграла лишь первые небольшие роли на своем пути.

«Я натаскаю ее, – сказал им Кейли. – Подождите и увидите».

Что ж, он ее натаскивал. Разрази меня гром, он делал это! Тренировал, оттачивал, подерживал во всем в течение месяцев изнурительной работы... В начале двадцать восьмого, как только ему стукнуло шестьдесят, он на ней женился.

Адам Кейли был очень влюблен. Нет никаких сомнений, что он обожал свою темноволосяную чаровницу и что она многого могла добиться от него своими капризами. Впрочем, не на

¹² От *фр.* bijou – украшение, драгоценность.

всем ей удавалось настоять – он все же был закаленный профессионал. Почему-то она испытывала сильнейшую неприязнь к одному молодому актеру и всячески подстрекала мужа выгнать его. Кейли отказывался, леди бушевала, но ненавистный ей артист сохранил свое место. Он оставался в труппе до тех пор, пока...

Казалось, все шло хорошо. Множество любителей театра подписались на сезон. Кейли обладал значительным личным состоянием и практичным управляющим, имени которого я сейчас не припомню. Для открытия театра он выбрал «Ромео и Джульетту». Да! В шестьдесят один он сыграет Ромео в паре со своей ненаглядной Джульеттой и будет скакать по сцене, как всегда это делал. Известно, что врач предупредил его о том, что сердце может не выдержать. Великий человек счел это глупостью и ни с кем этим предупреждением не поделился. Он ведь Адам Кейли, который никогда не пропускал представлений, он железный человек, он несокрушим!

Блестящая премьера была запланирована на двадцать пятое апреля. Но накануне, двадцать четвертого апреля, на генеральной репетиции могли присутствовать только близкие друзья, удостоившиеся специального приглашения. Немногие избранные собрались, чтобы увидеть великолепно срежиссированную постановку такой, как Кейли ее задумал. И они увидели такое представление. Кейли прекрасно обучил свою протеже. Марджори Вейн блестяще начала в роли Джульетты, однако во время впечатляющей дуэли Ромео с Тибальтом в первой сцене третьего действия ее на сцене не было. Сам Кейли, как мне рассказывали, был невероятно хорош. На реплику Бенволио: «Ты видишь, вот опять Тибальт кровавый» – он в полный голос откликнулся: «Как, невредим и на вершине славы? А тот убит?»¹³

И далее по тексту этого жестокого вызова – думаю, цитировать не стоит? Тибальт ответил и бросился в бой. Ромео отбил удар и в свою очередь перешел в нападение. И тут меч выпал из его руки, он пошатнулся, хватая ртом воздух, и тяжело упал. Обезумевшая Марджори Вейн с криком выбежала из-за кулис. Но конец уже наступил – Адам Кейли был мертв, когда к нему подбежали.

Здесь доктор Фелл надул щеки и сделал ужасное лицо.

– Ну, так что же в конечном счете? – спросил он.

– Сердце? – предположил Нокс.

– Да, именно так. По результатам проверки – мгновенная смерть. Что еще? Что в конечном счете – после потрясения, ужаса, поднявшейся шумихи? Когда к концу лета все юридические дела были улажены, восемнадцатилетняя актриса из Нью-Джерси стала богатой вдовой.

Но между прочим, были и другие результаты.

«Актеров Уэстчестера» смерть Кейли привела к краху. Из уст в уста передавалось, что мисс Вейн сказала, что они не должны сдаваться и что в Ричбелле должен появиться свой театр. Первым делом она уволила неугодного ей молодого актера, затем она и Уильям Эстабрук, управляющий, сделали все для спасения предприятия.

В память о покойном они отложили премьеру на две недели. Потом они попытались показать «Ромео и Джульетту» с актером, введенным на замену, вероятно, слишком поспешно, и потерпели неудачу. Они провалились и с «Учеником дьявола» Бернарда Шоу, и с «Кругом»¹⁴, зрителей становилось все меньше и меньше. Им не доставало Адама Кейли – или кого-то, равного ему. Возможно, нужна была даже и не большая звезда, но кто-то с именем и индивидуальностью, однако заполучить такого человека они не смогли.

Марджори Вейн вернула деньги владельцам сезонных билетов, возместила ущерб ангажированным на контракт артистам и, не без некоторой горечи, распустила труппу. С тех пор

¹³ Здесь и далее цитаты из пьесы Шекспира «Ромео и Джульетта» приводятся в переводе Б. Пастернака.

¹⁴ «Круг» – пьеса С. Моэма.

как в шоу-бизнес с шумом вторглись «говорящие картинки», будущее храма Адама Кейли было предрешиено.

– Она продала театр, так ведь?

Доктор Фелл смотрел на погасшую сигару.

– Нет, не продала, так никогда этого и не сделала. На любое предложение отвечала твердым отказом. Арендованное на долгий срок «Хаскиссон инкорпорейтед», оснащенное звуковой аппаратурой здание превратилось в кинотеатр «Маска».

Что касается Марджори Вейн, то она, как образцовая дочь, вернулась в дом своих родителей в Монтклере. Там она провела три года в ожидании своего двадцать первого дня рождения и полного совершеннолетия. Затем, став очень богатой американской вдовой, она отправилась покорять Европу. В те дни «Европа» означала Париж и Ривьеру. Для этой молодой леди год спустя, в тридцать втором, Европой стал Лондон. По-прежнему решительная, полная амбиций, она сошлась со стареющим, но влиятельным сэром Джеймсом Мейплом из театра Генри Ирвинга. Выходить замуж за старого Мейпла не было нужды – он дал ей шанс, которого она так жаждала.

Большей части публики, читающей газеты, продолжение известно. Она сыграла Джульетту. Она была первоклассной актрисой и доказала это. В дальнейшем она завоевала внимание как публики, так и критиков и доказала, что Джульетта не являлась случайной удачей: она сыграла множество самых разных ролей, таких как леди Тизл из «Школы злословия», Нора из «Кукольного домика» и даже римлянка Ведия в эпосе бросьте-их-на-съедение-львам под официальным названием «То, что принадлежит Цезарю»¹⁵.

Доктор Фелл быстро обрисовал последующие годы. В жизнь Марджори Вейн вошел молодой Джимми Рэнсом, восьмой лорд Северн, который в середине тридцатых – в годы приятно необременительных налогов – унаследовал обширные земли и двадцать тысяч фунтов ежегодного дохода. Позже она вышла за него замуж. Оставила сцену после полного триумфа на ней. Оставалась самой стойкой патриоткой Британии, когда военные тучи сгустились перед бурей.

– И посмотрите на нее теперь! – гудел доктор Фелл. – Сэр Джеймс Мейпл мертв. Лорд Северн мертв. В Лондоне, в Сомерсете и на юге Франции она известная светская львица – если и не хозяйка салона, то по крайней мере в любой момент может собрать вокруг себя любое количество известных людей. На пике карьеры она превратилась в настоящую английскую гранд-даму или в очень неплохую имитацию таковой.

Взгляните на нее теперешнюю, говорю я! Удивительно хорошо сохранилась, все еще красивая и – вне всякого сомнения – желанная! Вы говорите, что вас ей никогда официально не представляли. Но вы кивали ей мимоходом. Вы видели, как она царствует за капитанским столом. Вы видели ее прогуливающейся по палубе: с верной в течение всей жизни компаньонкой мисс Элизабет Харкнесс и «секретарем» – молодым Ларри Портером, одним из череды молодых людей определенного сорта, которых она в последние годы держит при себе.

– Да, но...

– Давайте! – сказал доктор Фелл. – Спрашивайте, что здесь не так, что меня беспокоит?

А я спрошу в ответ: поскольку она леди Северн и у нее так мало поводов для беспокойства, что же ее терзает? Почему вокруг нее, куда бы она ни пошла, атмосфера то ли страха, то ли ненависти, которая прямо-таки обдает холодом? Уверен я лишь в одном: что бы ни было у нее на уме, это не связано с ее попутчиками, в этом я могу поклясться. Тогда – в чем же дело? От чего или от кого это исходит? О чем на самом деле думает эта женщина?

¹⁵ «То, что принадлежит Цезарю» – сочинение экономиста Гая Моррисона Уолкера (1870–1945).

– Хорошо, но не может ли это быть просто настроение? – сказал Нокс. – Кроме упомянутой вами атмосферы, имеются ли какие-то реальные факты, которые свидетельствовали бы о наличии проблем?

– Что ж, да, – ответил доктор Фелл. – Не буду произносить банальности: мол, время приносит отмщение. Однако! Как «говорящие картинки» однажды убили то, что называлось воем, и долго угрожали и традиционной театральной сцене, так и сейчас для кино стал опасен ненасытный монстр телевидения. Вход в «Маску» бесплатный. Теперь возродились «Актеры Уэстчестера». Руководит ими видный ирландский актер Барри Планкетт, и вместе с ведущей актрисой Анной Уинфилд, пока еще менее знаменитой, они вечером девятнадцатого апреля, в понедельник, открывают театр спектаклем «Ромео и Джульетта». Так что, я все еще фантазирую или вы будете так любезны и подкинете мне идейку-другую?

Глава вторая

Помеха в пути

Панели в курительной ожили в конвульсиях скрипа и треска. Нос «Иллирии» зарылся в волну, когда судно ринулось вниз, потоки воды с грохотом, слышным даже здесь, прокатились по палубе. Но теперь корабль било не так сильно, и он почти выправился, больше не было нужды хвататься за что попало, чтобы сохранить равновесие.

По крайней мере сейчас Филип Нокс забыл об окружающем. Джуди, которую он когда-то любил и которая была бог знает где, исчезла из его мыслей. Рассказ доктора Фелла был настолько ярким, что давно покойный и настойчивый Адам Кейли и живая и не менее неукротимая Марджори Вейн, казалось, дышали и двигались у него перед глазами.

– Видите ли, доктор Фелл, – произнес он, закуривая четвертую сигарету, – я и не знал имени ведущей актрисы в труппе Адама Кейли, а если когда-то и слышал его, то не запомнил. Совершенно точно – я никогда не связывал его с той Марджори Вейн, которая произвела настоящий фурор в Англии тридцать с лишним лет тому назад. Я перебрался в Лондон в тридцать третьем, тогда она играла леди Тизл. Откуда вы, кстати, узнали все это?

– По большей части, – откликнулся доктор Фелл, – от самой леди. Как только мы поднялись на борт этого судна, она обратилась ко мне за советом. История же про юного актера, которого она беспричинно невзлюбила и уволила, исходит не из ее уст. Осмелюсь предположить, что она поднимать эту тему и не стала бы. Мне давным-давно поведал об этом Харви Баскервиль, в былые времена носивший прозвище Толстяк, – он играл брата Лоренцо в том самом спектакле «Ромео и Джульетта» «Актёров Уэстчестера». Харви было около восьмидесяти, он жил в Бате с внучкой. Почти такой же неповоротливый, как я, суставы скованы артритом, но о театре готов говорить до второго пришествия... Все они такие. Согласно тому, что он рассказал о мисс Вейн...

– А что же тот молодой актер, которого она терпеть не могла? Что с ним случилось?

– Харви ничего об этом не знал. Его звали Джон Фосдик. В тот вечер, когда Адам Кейли умер, он играл Тибальта. Кейли считал, что парня ждет великое будущее. Очевидно, что эти ожидания не сбылись, но больше ничего, кажется, не известно.

– Правильно ли я полагаю, – продолжил Нокс, – что, когда леди Северн бывает в Каннах, она живет в так называемой «Вилле дезанж»?¹⁶ Как видите, доктор Фелл, и у меня есть информаторы.

Близким другом Нокса издавна был Майлз Хаммонд – коллега, тоже историк. Лет двадцать назад, насколько ему было известно, доктор Фелл вовлек Хаммонда в расследование сенсационного, казалось даже сверхъестественного, убийства, которое получило название «Дело того, кто шепчет». В эту же историю оказалась вовлечена Фэй Сетон, женщина, на которой Майлз Хаммонд впоследствии женился. Хаммонд теперь жил в Ницце, в совершенно тепличных условиях, и до него доходило немало слухов о «Вилле дезанж», расположенной на холме над Каннами.

Фэй Хаммонд рассказывала Ноксу:

«Марджори Вейн за пятьдесят, а выглядит она на сорок. И у нее, что ни говори, довольно большое хозяйство. Напоказ, ради демократических принципов, личную горничную она не держит, но при этом в ее распоряжении шофер, повар и две служанки. Ларри Портер, молодой американец, предположительно ее бойфренд (а когда она в настроении – ее бойфренд вне всякого сомнения). Бесс Харкнесс? Поговаривают (как я ненавижу эти хитрые рожи!), что предан-

¹⁶ Villa des Anges, Вилла ангелов (фр.).

ность Бесс по отношению к Вейн ненормальна и всегда была таковой. Это абсолютная чушь, уж поверьте мне на слово. Бесс гораздо больше заинтересована в мужчинах, чем Вейн когда-либо интересовалась ими. И Бесс уж давно доказала бы это, если б нашелся кто-то достаточно предприимчивый, чтобы проверить. И она ведь недурна собой, если приглядеться. Она следует за Вейн преданной тенью лишь потому, что ей не выпал шанс стать кем-то другим.

Относительно же Вейн, – говорила Фэй, – мнения совершенно разделились. Кто-то считает, что она по сути великодушна и добросердечна, и действительно – иногда она такова. Другие говорят, что она стерва до мозга костей, и тому тоже находятся подтверждения. Я думаю, что в ней смешано и то и другое, как в большинстве из нас».

Нокс все эти факты или предположения никак не комментировал.

– Еще один вопрос, доктор Фелл, и я оставлю вас в покое. Зачем вы мне все это рассказали?

– Затем, что об этом меня попросила сама мисс Вейн, и вскоре она лично дополнит эту историю. Она очень взволнована предстоящей встречей с вами, потому что является большой вашей поклонницей.

Нокс сидел как громом пораженный.

– Она – ЧТО?

– Вот так вот! Леди имеет некоторые культурные притязания, знаете ли. Она прочла все ваши книги.

– Что ж, это очень лестно, конечно. Но – великий Бог в купине неопалимой! – говорить, что у нее есть культурные притязания лишь потому, что она прочла мои книги, – это то же, что признать наличие культурных притязаний у человека, ознакомившегося с произведениями Уильяма Дюранта¹⁷ или Артура Брайанта¹⁸. Я восхищаюсь обоими, но!..

– Фу! – взревел доктор Фелл. – Оставьте вы свою проклятую скромность, и хватит об этом! Вы пишете на английском, вне зависимости от особенностей вашего произношения. Ваша лучшая работа – «Квинквирема Ниневии и кривая английская дорога»¹⁹ – прекрасное исследование, воплощенное в слове просто неотразимо. С вами можно не соглашаться, но читать вас надо.

– Все равно...

– Имеется и еще один пункт, дорогой коллега, – учтиво добавил доктор Фелл. – Когда ваш день рождения?

– Четырнадцатого июля, день Бастилии. А что?

– Вот и у нее – тот же день, месяц, тот же год; вы совершенные ровесники. Леди откуда-то это узнала и осталась под огромным впечатлением. Общие звезды, решила она, могут предполагать и некую общность судьбы. Что вы думаете насчет астральных влияний?

– Астральные влияния, – начал было Нокс, – напоминают мне о... Впрочем, не важно. Что нам действительно нужно, так это еще одно пиво, правда ведь?

– Правда! – согласился доктор Фелл. – Еще одно пиво просто необходимо. Но теперь моя очередь, и я настаиваю, что...

¹⁷ Уильям Джеймс Дюрант (1885–1981) – американский писатель, историк и философ. Наиболее известны его популярные труды «История философии» (1926) и «История цивилизации» (1935–1975).

¹⁸ Сэр Артур Уинстон Морган Брайант (1899–1985) – английский историк, обозреватель журнала «Illustrated London News», общественный деятель. Писал книги по истории Англии XVIII и XIX вв., составил жизнеописание Георга V. Он вращался в высших правительственных кругах и был любимым историком трех премьер-министров: Уинстона Черчилля, Клементы Эттли и Гарольда Вильсона.

¹⁹ В названии использована отсылка к стихотворению «The Rolling English Road» английского поэта Джона Мейсфилда; в пер. М. Гутнера – «Кривая английская дорога». *Квинквирема* – большой боевой корабль древности.

Он, пыхтя, поднялся на ноги с помощью трости-костыля, большой как ростом, так и обхватом. Но ему не удалось совершить задуманное, он не успел даже окликнуть стюарда. На этот раз действительно потянуло сквознячком.

Левая дверь, ведущая в холл, распахнулась. Открытой ее удерживал высокий, хорошо сложенный, приветливый с виду молодой человек с короткой стрижкой, в безупречном смокинге с воротником-шалькой. И Марджори Вейн совершила свой выход.

Нельзя сказать, что она вбежала, или выглядела огорченной, или у нее сбилась дыхание. Мгновенно собравшись, закутанная в норковую шубу, она легко ступала в такт с движениями корабля. Хотя она не была высокой – возможно, даже чуть ниже среднего роста, – ее манера держаться убеждала, что перед вами статная и роскошная женщина. И под всем этим сквозило нечто игриво-кошачье. Ее замечательные блестящие черные волосы, казалось, слегка растрепал ветер на палубе. Знаменитое лицо (широко расставленные темно-синие глаза, несколько контрастное соотношение короткого носика и четко обрисованного рта на фоне чистого тона) блистало таким изысканным макияжем, что разглядеть на нем бледность и не удалось бы.

За ней вошла маленькая, юркая, подчеркнута женственная дама с вешалкой для пальто. Мисс Элизабет Харкнесс (полное имя, которым она подписывалась, – Бесс Толливер Харкнесс) была в менее броской меховой шубке. Ее темно-русые волосы закрывала шляпка, плотно облегающая голову. Как и говорила Фэй Хаммонд, она, несмотря на очки в черепаховой оправе, вовсе не была дурнушкой, пусть даже очень немногие удосуживались задержать на ней взгляд.

– Честно, Марджори!.. – слышали они ее шепот.

Все глаза, как обычно, были прикованы к Цирцее.

Выскользнув из норковой шубы, Марджори Вейн продемонстрировала руки и плечи совсем молодой женщины, а также почти юношескую фигуру в изумрудно-зеленом платье, которое одновременно было и очень простым, и очень модным и дорогим. Она передала свою шубу компаньонке, и та повесила ее на вешалку. Затем, грациозная и очаровательная, мисс Вейн прошла вперед, одарив доктора Фелла ослепительной улыбкой.

– Простите меня! – произнесла она своим великолепным голосом. – Прошу, пожалуйста, простите! Я ведь могу слегка расстроиться по уважительной причине? Я... Я только что увидела призрака.

Доктор Фелл, казалось, ничуть не удивился:

– В самом деле, мадам? И что же это был за призрак?

– Да не важно в самом деле! Это самая несущественная вещь на свете! Мне всего лишь померещилось, я знаю это. – Она взглянула на Нокса. – Но конечно, этот джентльмен...

Доктор Фелл церемонно представил Нокса мисс Вейн, мисс Харкнесс и мистеру Лоуренсу Портеру.

Этот Лоуренс Портер, с открытым румяным лицом, теперь выступил вперед, источая дружелюбие и аромат бренди. Он почтительно протянул руку:

– Вы же Филип Нокс, сэр? Я надеюсь, вас не сильно расстроит, если я признаюсь, что, как правило, читаю не много. Но я только что закончил «Кривую английскую дорогу», и это стало для меня... стимулом. Сэр, я здесь, чтобы сказать вам: это хорошо! Как там в начале? Незабываемо.

И, совершенно увлекшись, он выпрямился и начал декламировать. Ему приходилось повышать голос, чтобы пересилить треск переборки и завывания бури:

Когда к Северну римлянин пройти еще не мог,
Дорогу пьяный смастерил кривее всех дорог.
Дорогу, что везде идет по графствам вкривь и вкось,
И сквайр весь день за ним бежал, и все село несло.
Веселую дорогу – ту, что полюбилась нам,

В ту ночь, как через Бичи Хед тащились в Бирмингам.

Не сделал, сквайру не в пример, мне Бонапарт вреда,
И воевать с французом я не хотел тогда.

Но, услышав плохую весть, на их штыки попер...²⁰

Взгляд Марджори Вейн переменялся, когда она властно подняла руку:

– Ларри! Прошу тебя!

– Да?

– Достаточно, я полагаю. Занимайся теннисом, другими вещами – оставь декламацию другим. Ты проглатываешь согласные, у тебя нет навыка. Хватит.

– О, конечно! Это же было только...

– Да, дорогой. Уверена, мистер Нокс оценил твой комплимент. Но ведь не он написал эти стихи – ты же знаешь, он всего лишь процитировал их, так что не нужно относиться к ним слишком уж серьезно. – И добавила с напускной скромностью: – Думаю, мистер Фелл поговорил с вами, мистер Нокс?

Зараза драматургии витала в воздухе. И Нокс ее подхватил:

– Для меня честь и великое удовольствие быть представленным вам, мисс Вейн. Доктор Фелл сообщил мне, что новые «Актеры Уэстчестера» планируют в конце апреля возродить в Ричбелле театр «Маска». «Ромео и Джульетта», не так ли? Полагаю, вы собираетесь на премьеру?

– В Ричбелл? Боже правый, нет!

– Нет, мисс Вейн?

– Я просто навещаю друзей во Флориде, вот и все. Я и не хотела бы, и не смогла бы отправиться в сторону Ричбелла или «Маски». Слишком уж ужасный, травмирующий опыт я там пережила, когда была еще так юна и восприимчива! И в любом случае вряд ли я собралась бы туда за три месяца до премьеры, не так ли?

– Конечно нет. Простите меня.

– Ничего страшного, откуда вам знать?

– Если ты спросишь меня, Марджори... – начал Лоуренс Портер.

– Мы не спрашиваем тебя, Ларри. Но, мистер Нокс, я, безусловно, испытываю интерес к милым людям, которые так стараются добиться успеха там, где бедный Адам потерпел поражение. И есть определенная информация, которой вы должны располагать, если согласитесь удостоить меня советом. Присоединитесь ли вы оба к маленькой импровизированной вечеринке – я, и Бесс, и Ларри, конечно, тоже? Но не здесь, не в этом баре, он не подходит, так ведь? Давайте пойдем в спортивный салон на верхней палубе. В том случае, – она повернулась к стюарду, – если они согласятся обслужить нас?

Джорджи, стюард курительной комнаты, мгновенно встал по стойке смирно.

– В спортивном салоне, м'леди?

– Да! Сможете обслужить нас там?

– По вечерам там никто не дежурит, м'леди. Однако ради вас, м'леди, я буду счастлив лично помочь вам. Что вы хотели бы, м'леди?

– Как вы любезны! Чрезвычайно любезны! Шампанское, я полагаю, можно счесть подходящим для таких случаев, хотя для истинного гурмана это переоцененный продукт. Вы не находите, мистер Нокс?

– Честно говоря, мисс Вейн, я люблю шампанское.

– Слышали-слышали! – пробурчала Бесс Харкнесс.

²⁰ Перевод М. Гутнера.

– Что ж, раз вы настаиваете, полагаю, мы должны вам угодить. Тогда пусть будет бутылка шампанского! *Pas trop sec*²¹, как говорят французы. «Мумм» или «Перье-Жуэ» хорошо подойдут, есть у вас? Большое спасибо. Вашу руку, мистер Нокс. Вашу руку, доктор Фелл. Сюда, пожалуйста, если вы будете так любезны.

И снова Лоуренс Портер придерживал открытую дверь. Трое – Марджори Вейн об руку с Ноксом справа и доктором Феллом слева – спустились на две ступеньки в фойе прогулочной палубы. Портер и мисс Харкнесс покорно последовали за ними. Со стороны главного зала хриплый голос выкликал в микрофон номера бинго. Лифтер ожидал, чтобы поднять их на один уровень – на спортивную палубу.

Спортивный салон, весьма популярный среди путешественников днем, в этот час был едва освещен и выглядел довольно мрачно. Возможно, пригласившая их дама и предпочла бы роскошь главного зала – розовое, белое и золото с хрусталем, но те соображения, которыми она собиралась поделиться, плохо совмещались с шедшей внизу сессией бинго.

По сторонам этого салона, вдоль стен по левому и правому борту, на невысоких платформах стояли покрытые красным столы у высоких стен с рядом незашторенных окон поверху. Каждая из этих платформ завершалась тяжелой дверью со стеклянной панелью выше уровня головы – эти двери вели на открытую спортивную палубу, в сторону кают туристического класса на корме. Между этими двумя дверями, ведущими из салона на палубу, стоял рояль. В центре носовой переборки, с той стороны, откуда они вошли, находилась массивная рельефная карта, на которой были показаны и Британские острова, и Северная Америка, с проложенным маршрутом, на котором ежедневно можно было передвигать колышек с красной стрелкой, символизирующий продвижение по этому пути «Иллирии». В центре свободного пространства между платформами стоял стол для настольного тенниса.

И Марджори Вейн, казалось, чувствовала себя здесь как дома. Она выбрала стол, расположенный посредине платформы по левому борту, и пригласила всех собраться вокруг нее. Принесли шампанское, открыли и разлили по бокалам. Хозяйка вечера подписала чек и встала.

– За друзей, которые не с нами! – выдохнула она, подняв свой бокал. Все эхом отозвались: «За друзей...» – Вы знаете... Ларри, Ларри, боюсь, я забыла свою сумочку! Не сбегашь вниз, в люкс М-пять, не принесешь ее из моей каюты? Она должна быть на туалетном столике.

Мисс Харкнесс подалась вперед:

– Давай я, Марджори. Мне это проще простого...

– Нет-нет, Бесс! Ты и так трудишься не покладая рук. Ларри будет рад сделать это для меня, правда, Ларри? Будь другом, сбегай, хороший мальчик, и без сумочки не возвращайся!

Ветер, снег с дождем по-прежнему свирепствовали снаружи. Но по палубе все еще можно было пройти, если не быть слишком уж беспечным. Молодой Портер поспешил прочь. Марджори Вейн снова расположилась за столом.

– Вы знаете, я уже говорила об этом, – продолжила она, направив все свое обаяние на Нокса, – что я собралась посетить родную страну в первый раз после почти двадцатилетнего отсутствия? Последний раз я пересекала океан (могу даже назвать дату) на судне «Королева Елизавета» десятого октября тысяча девятьсот сорок пятого года. Корабль военного времени, он был еще совершенно не оборудован, на нем возвращалось домой не помню уж сколько тысяч канадских солдат – назад в Галифакс, Новая Шотландия. – И вновь ее прекрасный голос переключился в другой регистр: – Что случилось, мистер Нокс?

– Что, с вашего позволения?

– Вы так странно на меня посмотрели! Вы тоже были на этом корабле?

– Нет, мисс Вейн. Но я знаю кое-кого, кто путешествовал вместе с вами.

²¹ Не слишком сухое (*фр.*).

Вполне вероятно, он и правда бросил на нее странный взгляд. Как все же пересекаются и переплетаются наши судьбы, вне зависимости от того, по душе нам совпадения или нет... Именно на борту «Королевы Елизаветы» 10 октября 1945 года Джуди уплыла из его жизни.

Марджори Вейн со всей решимостью продолжила:

– В те времена, чтобы покинуть страну, требовалось специальное разрешение. Но у меня были жизненно важные деловые причины обосноваться в Нью-Йорке – и я разрешение получила. Бесс, конечно, сопровождала меня. Она совершенно незаменима в моем бизнесе, хотя, возможно, вы и не подумаете так, глядя на нее, – у нее прекрасная деловая хватка. При необходимости сама я могу быть жесткой, но не всегда способна придумать план на будущее. Бесс отлично все планирует, но не готова проявлять жесткость. Что же, мы решили вести дела в Нью-Йорке. Но тот вояж! О небеса, что за вояж! Не кошмар ли это был, Бесс?

Мисс Харкнесс закурила предложенную ей сигарету. Выпив еще глоток шампанского, она откинулась назад – шуба ее работодательницы лежала у нее на коленях, рука с сигаретой неподвижно застыла в воздухе.

– Это было нелегко, – признала она.

– Нелегко, дорогая? Это было отвратительно!

– Но, Марджори...

– Пассажиров, заплативших за переход через океан, запикивали в одну каюту по шесть, по восемь, иногда – по десять человек! Присесть было негде, кроме как в том большом зале, и из кошмарного громкоговорителя чуть ли не каждую минуту раздавались приказы, словно мы кучка нашкодивших детей! Потом, когда мы достигли Галифакса... Разве нет старой молитвы, доктор Фелл, в которой Господа просят избавить нас от «ада, Гулля и Галифакса»?

Доктор Фелл заговорил, оторвавшись от свежей сигары:

– В данном случае, мисс Вейн, речь идет не о канадском Галифаксе в Новой Шотландии, а о Галифаксе в Йоркшире. Там в шестнадцатом веке преступникам рубили головы с помощью примитивной и грубой разновидности гильотины. Ее боялись по всей стране.

– Что ж, Галифакс в Новой Шотландии тоже совсем не райское место. Кроме того, как будто недостаточно было этого ужасного перехода через океан, еще нелепые правила грозили усложнить нам дорогу из Галифакса через Монреаль в Нью-Йорк. По американским законам в военное время вы не могли следовать в поезде со спальным местом, если только не планировали преодолеть таким образом более пятисот миль. Но Бесс нашла выход – не так ли, Бесс? Мы просто забронировали билеты до Вашингтона, а вышли в Нью-Йорке. Боюсь, впрочем, что я отвлеклась.

Табачный дым поднимался вверх под неяркими светильниками, отражаясь в оконных стеклах вопреки темной ночи и бушующему морю. Марджори Вейн, несмотря на свое презрение к сигаретам, встала в этом дыму и вновь подняла бокал.

– За «Актеров Уэстчестера», – сказала она, – которые скоро обретут другое название! А теперь, с вашего позволения, перейдем к делу, ради которого мы здесь собрались.

Новую компанию возглавляет мистер Барри Планкетт. Он вполне еще молодой человек, этот мистер Планкетт, лет тридцати пяти, не более. Но он уже обладает определенной репутацией: сначала он обрел ее в Дублине, потом в Лондоне, в последнее время – на Бродвее. Мы с мистером Планкеттом никогда лично не встречались, хотя и вели довольно активную переписку. Могу сказать, мне нравятся его идеи. И я много о нем слышала. Порой он бывает непредсказуем, как все ирландцы, но, по мнению американцев, в трудной ситуации на него можно положиться, держать удар он умеет.

Труппа в целом кажется хорошей. Правда, я совсем ничего не знаю об этой Уинфилд, будущей исполнительнице главных женских ролей. Поэтому о ней, возможно, не стоит и говорить.

Впрочем, стоит ли особенно придирается и ко всему прочему? Их технический советник по Шекспиру – судья Каннингем. Дела ведет (тоже бесплатно, в качестве хобби) отставной биржевой брокер по имени Джадсон Лафарж. Его жена, миссис Констанс Лафарж, осуществляет руководство в качестве своего рода *amica curiae*²² – она пользуется репутацией влиятельной уэстчестерской матроны.

На Филипа Нокса вдруг нахлынули воспоминания.

– Конни! – воскликнул он. – Ее девичье имя было Констанс Уэстерби, с улицы Фенимора Купера в Ричбелле? И вы имеете в виду судью Грэма Каннингема из Верховного суда штата Нью-Йорк? Я слышал, он тоже вышел в отставку, но...

– Дорогой вы мой, – ответила мисс Вейн, – что же я, по-вашему, гадалка на хрустальном шаре, или читаю мысли, или просто старая цыганка? Откуда же мне знать девичье имя дамы, о которой я впервые услышала лишь несколько месяцев назад? Но что касается джентльмена, то да – это тот самый судья Каннингем. Он ученый-шекспировед и коллекционер старинного оружия. Он купил старый дом Адама Кейли еще до того, как я покинула страну в тысяча девятьсот тридцать первом, и ему я продала коллекцию оружия Адама – он присовокупил ее к собственному собранию. И, по словам мистера Планкетта, судье Каннингему он обязан несколькими весьма оригинальными предложениями по отделке, так сказать, «Ромео и Джульетты».

Тут доктор Фелл засопел и захрипел.

– Мадам, – прогудел он.

– Да, доктор Фелл?

– Надеюсь, мы все цивилизованные люди. Как и «Актеры Уэстчестера». И в то же время, даже если не принимать в расчет суеверия и игнорировать всевозможные фокусы-покусы, разумно ли начинать именно с этой пьесы?

Марджори Вейн воззрилась на него.

– Это их решение, – пожала она плечами. – Почему бы и нет? Что здесь не так?

– Безусловно, никаких разумных возражений тут быть не может.

– Ладно! – сказала мисс Вейн. – Помнит ли публика – те, кто платит, – старые трагедии? Могу поспорить – нет! Когда эти милые люди добьются успеха – а они должны его добиться, раз уж используют мое имя, – никому ни до чего дела не будет. А что, по-вашему, мы или они должны разделять пошлые театральные суеверия такого рода?

Во время существования злосчастного «Бiju» одна актриса-психопатка разъярилась и ударила ножом другую. И что с того? Жизнь бедного Адама оборвалась из-за его тщеславия и упорства: он попросту проигнорировал рекомендации врача. Что с того? Едва ли в компании мистера Планкетта отыщется маньяк, а самый поверхностный и быстрый медосмотр позволит удостовериться, что никто замертво на сцене не упадет. Я сама не смогла бы приблизиться к тому театру ни на прогоне, ни на премьере. Но это мое личное дело, частная история... Тут, если хотите, речь идет о чувствах.

В мыслях где-то далеко отсюда, она отвернулась и сделала несколько шагов вдоль платформы по левому борту к тяжелой двери, которая вела на открытую палубу. Ее роста не хватало, чтобы выглянуть в окно, но она и не пыталась. Вместо этого, застыв под светом еще одного тусклого светильника, она резко обернулась. Ее лицо, голос и жестикуляция завораживали. Она подняла руку, обращаясь к ним:

– И все же это искушение для меня, признаю, великое искушение. Я люблю искусное фехтование, всегда любила. И этот мистер Планкетт уверил меня, что все будет в наивысшей степени достоверно.

²² Друг суда (*лат.*), юридический термин, обозначающий не участвующее в деле лицо, которое представляет суду с его разрешения информацию или соображения, имеющие значение для дела.

Помните «Олд Вик»²³ военного времени, под руководством Оливье²⁴ и Ричардсона²⁵, когда они выступали в Новом театре у Чаринг-Кросс-роуд? Когда Лоуренс Оливье играл Ричарда Третьего, а Ральф Ричардсон – Генриха Ланкастерского (в сорок четвертом, верно?) и все заканчивалось таким зрелищным поединком, что я едва не выпала из ложи головой вперед.

Так что, признаю, искушение есть. У меня возникало даже желание устроить специальную генеральную репетицию «Ромео и Джульетты», на которой присутствовали бы только я да пара-тройка друзей. Мне даже хотелось – помоги мне Небеса! – дать отставку этой выскочке Уинфилд и самой сыграть Джульетту – как ее следует играть. Но так нельзя, ничего из этого не выйдет, не может быть и речи! Это грубо, вульгарно и недостойно меня... И в любом случае я не смогла бы заставить себя. Однако! Не буду утомлять вас, дорогие друзья, трагедией почти сорокалетней давности. Вместо этого...

Теперь она, воплощение красоты и изящества, в своем изумрудно-зеленом платье, вновь нырнула в облако дыма над столом. Все бокалы уже опустели – за исключением бокала отсутствующего Лоуренса Портера. Марджори Вейн открыла бутылку и попыталась исправить положение. Но управиться с большой бутылкой шампанского в такой шторм оказалось непросто, так что Нокс сделал это за нее.

²³ «Олд Вик» – лондонский театр и театральная труппа. Основан в 1818 г.

²⁴ Лоуренс Оливье (1907–1989) – знаменитый английский актер, режиссер театра и кино.

²⁵ Ральф Ричардсон (1902–1983) – знаменитый английский театальный актер. Наиболее прославлен ролями Отелло и Фальстафа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.